

Алексей Герасимов

ПОЭТЫ

повесть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Герасимов

Поэты

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Герасимов А. А.

Поэты / А. А. Герасимов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Повесть о современных молодых поэтах. Они жаждут признания, внимания публики, нередко конфликтуют между собой, завидуют друг другу.

Профессиональная ревность, а также ряд мелких и крупных обид привели двух поэтов к дуэли. После которой один попал в больницу с травмой, а другой - в следственный изолятор. Чем же разрешится ситуация? Содержит нецензурную брань.

© Герасимов А. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Александр Квартетский сочувственно, но при этом и слегка иронично, улыбается, глядя на своего подзащитного – бледного, взерошенного юношу с опухшими от недосыпания глазами, которого пятнадцать минут назад привели из камеры для встречи с адвокатом. Александру Квартетскому – тридцать пять лет, у него большая лысина, он холен, спортивен, вальяжен и элегантен. На его запястье массивные часы; на манжетах – серебряные запонки; галстук скреплен зажимом с зеленым мерцающим камешком.

Подзащитному чуть за двадцать, на нем темный растянутый свитер, потрепанные джинсы. Подавленный и угрюмый, подзащитный сутулится, поеживается, обхватывает себя руками, как будто ему холодно. Александр Квартетский снимает «дизайнерские» очки с переносицы и укладывает их в кожаный футляр.

– Так, значит, это была дуэль?

– Да. По всем правилам.

– Что за правила?

– Правила дуэльного кодекса. Вызов в течение суток после оскорбления, ответ на вызов в течение суток после вызова. Заранее оговоренные время, место и условия поединка. Секунданты, ведущие переговоры и следящие за соблюдением всех правил. Ну и так далее...

– В книжках вычитали?

– Нет, в интернете...

– Из романтических побуждений сражались?

Подзащитный, накупившись, не отвечает, и адвокат молча предлагает ему закурить, протянув металлический портсигар. Подзащитный, поколебавшись, закуривает:

– Я вообще-то бросил... то есть, бросаю... но...

– Андрей! – адвокат, слегка подавшись вперед, смотрит своему подзащитному в глаза и тихо, с душевной интонацией, продолжает. – Андрей, для закона ваш поединок с потерпевшим не благородная дуэль, а жестокая драка. Причем драка с холодным оружием, что серьезно отягчает... Потерпевший получил ранение. Потерял много крови. Если бы удар пришелся ниже, то клинок мог бы задеть бедренную артерию, а тогда верная гибель. Вы понимаете?

Подзащитный кивает, шурясь от дыма:

– Понимаю... Я должен быть с вами абсолютно откровенным и рассказать всю правду? Знаю, я кино такое смотрел... про судебные процессы.

Адвокат сцепляет пальцы на затылке, хочет откинуться назад, забыв, что сидит не на стуле, а на привинченной к полу табуретке. Едва не падает. Прокашливается и ослабляет узел полосатого галстука.

– Ну, тогда «окей»! Начнем... И первый мой вопрос: кто был инициатором драки... о, простите, дуэли.

– Я.

– То есть, вы – оскорбленная сторона, потребовавшая сатисфакции, и право выбора оружия, соответственно, было за вами?

– Ну... как вам сказать... Вообще-то я его... этого...

– Потерпевшего.

– Да, потерпевшего, я его всякими-разными... теплыми словами... тоже обложил... Но предложил дуэль именно я.

– А почему, Андрей, вы выбрали рапиры?

– Их легче достать, чем пистолеты. Ну и вообще... красивей, интересней.

– То есть, для вас это имело значение, чтоб дуэль прошла красиво и интересно?

– Да. Конечно.

Адвокат, хмыкнув, задумывается.

– Ну, хорошо... А почему вы решили вести дуэль на спортивном оружии, а не на боевом? Драться, так уж драться!

– Я не убийца, господин Квартетский.

– Можно и по имени. Александр.

– Александр, я не хотел убивать этого... потерпевшего. Мне необходимо было всего лишь... этого... потерпевшего... публично проучить. Никто не собирался никого убивать! Мое условие было такое: деремся, пока один из нас не сдастся. Дрались без доспехов, с обнаженными торсами, а спортивная рапира, это стальная плетка: удары ею не опасны, но жутко болезненны. Это было сражение воль!

– Ну и великое счастье, что никто никого не убил! Но как же так получилось, Андрей, что рапира вашего... оппонента, назовем его так... была с защитным тупым колпачком на клинке... а ваша рапира – без подобного защитного колпачка? И поэтому вы отделались несколькими синяками, а ваш оппонент получил колотую рану. А?!

– Не знаю, как так получилось... – вздыхает Андрей. – С обеими рапирами перед началом дуэли все было в порядке. Секунданты проверяли! Может, пока дрались, у моей кончик, отломился?

– Вы, что ли, меня об этом спрашиваете? – адвокат удивленно вскидывает брови.

– Нет. Я предполагаю... – пожимает плечами подзащитный.

– Ну, так вот... – адвокат затушил сигарету в пепельнице, положил локти на стол и скрестил пальцы, – никакого обломившегося кончика с защитным колпачком на месте поединка обнаружено не было!

– Затоптали, наверное... – подзащитный жадно докурил сигарету и нервно вдавил ее в пепельницу.

– Или недостаточно хорошо искали, это сейчас не важно. А важно, что ваш оппонент попал в больницу с ранением в области... Кстати, Андрей, а как вы умудрились ему в ягодицу-то попасть?

Подзащитный смеется, впервые за время беседы:

– Он повернулся ко мне спиной, чтобы драпануть, и тут я... сделал выпад.

– Отлично! – адвокат вскакивает со стула и хлопает в ладоши. – Bravo!... Ваш оппонент, стало быть, отказался от продолжения поединка. Пожелал остановить конфликт. А вы, тем не менее, стали его преследовать. Это отягчает вашу вину!

– Я в пылу... не сдержался.

– Мда-с... Интересное дело! – адвокат, сцепив руки за спиной, подходит плотную к серой стене и, не мигая, рассматривает ее шершавую поверхность. – Очень интересное. Дуэль! Такое в моей практике впервые. Да и в мировой, скажем так, не часто... Как в 19-ом веке, у поэтов каких-нибудь...

– Так мы и есть поэты, – подзащитный скромно потупляет взор.

– Вы? С потерпевшим? Поэты? – адвокат возвращается к столу и шлепается на табуретку.

– Да. А что такого? И довольно известные, признанные... ну-у, в определенной среде... Публикуемся, нас читают. О нас даже критик Борман писал!!! Не слышали про такого? Очень авторитетный критик...

– Борман? Критик? Нет... Бормана-ресторатора знаю, а Бормана-критика, увы. Так значит, мой подзащитный, дуэлянт-бретер Андрей Синицын – известный поэт. И потерпевший, раненный в левую ягодицу, Артур Пучков – тоже известный поэт? Удивительно...

– Ну, понимаете, – подзащитный смущается, теревит рукава свитера, растягивает их до кончиков пальцев, а затем подтягивает до локтей, – известность поэта, это не то же самое, что известность кинозвезды. Поэт считается известным, если о нем знают человек двести... триста... и, в основном, это такие же поэты, как он... ну и критики... студенты-там-всякие-филологи.

– Понятно. И что же вы с вашим коллегой не поделили? Прекрасную музу?

– Нет.

- Нет? А из-за чего же еще могут дуэлировать молодые поэты-романтики?
- Просто мы поссорились. Хотя мы никогда особенно и не дружили. Не любил я этого Пучкова никогда... Хотя, кто ж его любит?.. Крысу эту... Вы б его видели!
- Еще увижу... Продолжайте.
- Я сейчас попытаюсь объяснить... Мне и самому надо разобраться во всем этом... Как-то так все завертелось в тот день... я завелся... все так нахлестнулось одно на другое...
- Я вас внимательно слушаю.
- Вобщем, Артур Пучков – стервоза еще та!
- Да, да, я уже понял, что вы его горячий поклонник. Его моральные качества мы обсудим в другой раз...
- Вобщем, – подзащитный глубоко вздыхает, – вобщем, в то утро я проснулся в отличном, приподнятом настроении...

***

Андрей Синицын просыпается. У него отличное, приподнятое настроение. Он улыбается, жмурится, потягивается, трет лицо, ерошит волосы, бодро вскакивает с кровати, отдергивает занавески, распахивает окно. За окном – теплое, солнечное утро, свежий ветер врывается в комнату. Андрей быстро напяливает джинсы и рубашку, и, радостно напевая: «Тореадор, смелее в бой!» – отправляется босиком на кухню.

На кухне, уставившись в одну точку, неподвижно сидит его любовница – мистическая поэтесса Алина Грингот. Алина держит в руке длинный мундштук с сигаретой; в пепельнице – гора окурков. Алина одета в черное платье с кружевами, ее пальцы украшают массивные антикварные перстни из черного серебра. У Алины – высокая прическа, волосы выкрашены в ярко-красный цвет. Лицо Алины покрыто белилами, а брови, веки, губы и ресницы выкрашены черным.

– С добрым утром, любовь моя! – Андрей чмокает Алину в щеку, Алина в ответ недовольно морщится. – Ты опять не спала всю ночь? Елки, здесь же дышать нечем! – Андрей распахивает окно, Алина поеживается.

– Ну-у... чего ты, ягода моя! – Андрей наклоняется к Алине.

Алина раздраженно морщится, отстраняя Андрея рукой:

– Нельзя ли обойтись без банальностей?

– Что с тобой?

Алина не отвечая, затягивается, выпускает струю дыма в потолок, внимательно наблюдает, как рассеивается дым. Ее взгляд неподвижен, она смотрит, не моргая.

Алина сидит на троне в огромном зале средневекового замка. Она – герцогиня. На стенах закреплены горящие факелы, рядом с тронном – стражники в доспехах. Музыканты играют заунывную мелодию, у подножия трона кривляется карлик-шут. Виночерпий наливает в бокал красного вина, герцогиня делает глоток и жестом подзывает к себе высокого рыцаря со шрамом на лице и с длинными светлыми кудрями. Герцогиня дает рыцарю отхлебнуть немного вина, затем протягивает ему руку для поцелуя. Рыцарь опускается на одно колено, целует руку и смотрит герцогине в глаза. Она треплет его по щеке и едва заметно, поощрительно улыбается. Виночерпий подливает ей в бокал вина, она делает глоток и жестом подзывает к себе следующего рыцаря – точную копию предыдущего. Она протягивает ему сначала бокал с вином, затем руку для поцелуя, затем треплет коленопреклоненного по щеке и поощрительно ему улыбается. Третий рыцарь – копия двух предыдущих, а в зале – множество ждущих своей очереди высоких рыцарей со шрамами на лицах и с длинными светлыми кудрями...

– Что, опять? – Андрей хмурится. – Опять накатило, да?

– Отстань!

– Ясно... – Андрей включает газ, наливает воду в турку, ставит турку на огонь, роется в шкафчике:

– Где кофе, а? Кофе осталось еще?

Алина молчит, ее взгляд неподвижен, ее лицо ничего не выражает.

– Выпила за ночь все кофе?! Да?.. Ну, выпила, так и скажи! Мне ведь не жалко... Я сбегая в магазин, еще куплю. Но чего молчать-то... Царица медной горы!

Алина тушит сигарету в пепельнице, меняет положение тела только затем, чтобы вставить в мундштук новую сигарету и, смерив своего любовника тяжелым взглядом больших прекрасных черных глаз, закуривает и пускает струю дыма в сторону Андрея.

– Что случилось? – Андрей нервничает. – Я что-то не так сделал? Или не то сказал? Или опять – твои психозы... У тебя, как всегда, на пустом месте – шекспировская трагедия пополам с мексиканским сериалом!

– Пока здесь психуешь только ты. – Алина отворачивается. – Я же совершенно спокоина. – Алина отвечает нарочито равнодушным тоном, с интересом наблюдая за пауком, бегущим вверх по стене.

– Ну, ладно... Я пойду в магазин, куплю кофе... к завтраку чего-нибудь... сладкого... Хочешь чего-нибудь?

Алина не отвечает, Андрей произносит «Тьфу ты!» и, махнув рукой, вешает на плечо сумку, нахлобучивает кепку, козырьком до переносицы, обувается, и с обиженным видом уходит. На улице его настроение улучшается. Он, блаженно улыбаясь, смотрит на высокое голубое небо, на зеленеющие деревья, на прохожих и на витрины магазинов. Мимо, виляя попами и колыхая бюстами, проходят две цветущие девушки, они кокетливо смотрят на Андрея. Он какое-то время мечтательно смотрит им вслед. Одна из девушек оборачивается и что-то шепчет на ухо подруге, и обе хихикают.

Андрей сбивает кепку на затылок, думает: «Елки, надо бы познакомиться с какой-нибудь простой, хорошей девчонкой. Без особых выпендронов. С какой-нибудь продавщицей... или с медсестрой... или с воспитательницей в детском саду... А то эти поэтессы сожрут мне все мозги!» Андрей заходит в небольшой бакалейный магазин. Покупателей нет, а за прилавком – симпатичная, веселая продавщица, она смотрит на Андрея с неким вызовом.

– Кофе, плы-ы-ыз! – говорит Андрей. – Нет, не это, вон то... В синей пачке... Хлеб – белый батон, да. Пачку масла, соленого. Плавленый сыр, пачку. Банку огурцов... Чего-бы еще сладкого такого?..

– Я – сладкая! – продавщица прямо и смело смотрит Андрею в глаза, наклонив голову к плечу, девушка слегка покачивается, опираясь на одну ногу, ее пальца накручивают рыжий локон, а влажные алые губы приоткрыты.

– Да?.. – от такого откровенного заигрывания Андрей смущается, но он готов поддержать флирт. – Я должен в это наслово поверить? Или...

Он кладет деньги на блюдце. Дверь открывается, к прилавку подходит Артур Пучков и пристраивается слева от Андрея. Артур Пучков вынимает из кармана авоську, кивает Андрею головой.

– Чем занят?

– Как всегда.

Артур Пучков – худ и сутул. У Артура резкие черты лица, брезгливо поджатые бледные губы и колючий взгляд.

– Мне кокосового печенья! – говорит Артур, и продавщица тянется за пачкой на верхней полке. Артур жадно разглядывает ее бедра и ноги.

– Я как раз хотел тебе звонить, – говорит Андрей. – По делу...

– Я тоже собирался тебе звонить. По делу...

– Жду у входа, – и, кивнув продавщице, Андрей выходит.

Артур улыбается продавщице, а она, положив на прилавок пачку кокосового печенья, пусуравев лицом, строго спрашивает:

– Что-нибудь еще?

Андрей шуруется на солнце. Артур выходит из дверей магазина.

Продавщица достает из-под прилавка плеер, нацепляет наушники и под латиноамериканскую музыку качает бедрами, закрыв глаза. Она – известная на весь мир киноактриса. На ней – роскошное красное платье с глубоким декольте, на шее – драгоценное кольцо. Она выбирается из белого лимузина, ей подает руку кавалер, одетый в смокинг. Бывшая продавщица крохотного бакалейного магазина берет под руку модного кинорежиссера, и пара поднимается по лестнице, устланной красной ковровой дорожкой. За ограждениями толпятся фотографы и поклонники. Деятели киноиндустрии улыбаются и помахивают ладонями в ответ на восхищенные возгласы из толпы и вспышки фотокамер.

Молодые люди неторопливо идут по улице.

– Симпомпончик какой! – говорит Артур. – Новенькая, наверное? Раньше ее не видел...

– Я хотел тебе сказать, – говорит Андрей, – я подумал, что... вобщем, подборку стихов, что я тебе выслал... ее надо в другом порядке составить... Цикл тот же, но только порядок другой. Последнее и первое стихотворения надо поставить в середину, а из середины кое-какие стишки переставить в конец и начало. Я новый план уже почти набросал, скоро вышлю тебе... Также я решил изменить общее название цикла. Он теперь будет называться не «Новые спиритуализации». Я придумал название получше, поэффектней – «Жареные цветы»! А? Как? Более провокативно, что ли... Жареные цветы!!! Звучит, да?

– Ну, так себе... – хмыкает Артур. – Нормально звучит. Название, как название. Не хуже предыдущего. Хотя и ничего особенного... Из того же ряда, что «Дохлая луна» и тэпэ. Но мне это все равно, потому что... Я тебе как раз об этом хотел сообщить. Твой цикл, как бы он ни назывался, не будет опубликован в очередном сборнике... Сорри, конечно, но...

– Почему? – Андрей резко останавливается.

– Таково решение редакции, – Артур тоже останавливается.

– Какой еще, на хрен, редакции?! – восклицает Андрей. – Редакция, это ты. Тебе, значит, и вопрос, почему?

– Ладно, это мое решение. Я его принял.

– Но еще месяц назад, ты говорил, что опубликуешь мой цикл.

– А потом я передумал. Бывает.

– Но мы договорились, что все железно. Я обещал никому не отдавать эти стихи. А у меня их просили... между прочим... Но я обещал отдать их только тебе, а ты обещал опубликовать... Был договор?!

– Но договор был устный. Письменного договора мы не подписывали.

– Ах, ты, мизерабль! – Андрей угрожающе приближается к Артуру.

– Но-но, полегче!.. – Артур отшагивает назад.

Молодые люди снова двигаются вперед по улице, полной шумящей листвы и солнечного света, разговаривая все эмоциональней и эмоциональней. Свернув за угол, они сталкиваются с подвыпившим мужичком в истрепанном пиджаке. Пьяница едва не падает, но, оправившись, увязывается вслед за молодыми людьми.

– Хотя редакция и не обязана объяснять авторам причины отказа... – говорит Артур. – Но мы не первый год с тобой знакомы, поэтому объясняю: твои стихи недостаточно актуальны.

- Чиво?! – Андрей прикладывает ладонь к уху, карикатурно изображая глухого дедка.
- В твоих новых стихах нет ничего прогрессивного. – Артур отвечает, нарочито повышая голос, как будто и вправду разговаривает с глухим.
- Чиво-чиво в них нет?! – тон Андрея становится откровенно издевательским.
- И кроме того, они не в формате нашего... моего издания... – Артур чувствует себя не в своей тарелке, ему хочется побыстрее закончить неприятный разговор.
- Ах, они «не в формате»! А месяц назад они были, значит, «в формате»? Месяц назад они были актуальными и прогрессивными, а теперь, значит, протухли как сардельки?!
- Месяц назад я недостаточно хорошо в твои новые стихотворения вник. Ошибся! Бывает. Редактор тоже может ошибиться...
- Хорошо, однако, что ты редактор, а не сапер! Значит, я «не актуальный» и «не прогрессивный»? А раньше? Раньше со мной все было в порядке?
- Раньше ты версифицировал гораздо интересней, – кивнул Артур. – Мы же... я же печатал тебя в нашем... в своем сборнике. Всегда, с самых первых твоих шагов в литературе.
- Ты это чего со мной, как мэтр, разговариваешь? «С первых шагов в литературе...» – передразнивает Артура Андрей. Да, меня уже всю печатали, когда ты еще только букварь осваивал!
- Гм-м... Мы вообще-то ровесники.
- Стихи мои, оказывается, «не в формате»... – Андрей заводится еще сильнее. – Когда ты издавал свой журнал за три гроша, на паршивой бумаге, не выплачивая авторам гонорары, тогда мои стихи были «в формате»? А как только ты выбил грант у америкосов, как только появились серьезные деньги – на финскую бумагу, на типографию, на жирные гонорары, то сразу вдруг стал «не в формате», да?!
- Артур резко останавливается. Андрей по инерции пролетает чуть вперед.
- Я не хочу продолжать этот разговор, – говорит Артур. – С тобой сейчас совершенно невозможно общаться. Ты слишком взвинчен. Я тебя понимаю. Успокойсь, дай знать... И, несмотря на твое хамство, я, как редактор и издатель, всегда готов рассматривать все твои новые тексты. И публиковать их... если они мне подойдут.
- Андрей разворачивается и, не спеша, вразвалочку, возвращается к собеседнику, цедя сквозь зубы:
- Новые тексты?! Рассматривать?! Задницу ты у бегемота рассматривай, а не мои тексты! Ты у меня больше строчки не выпросишь, редактор хренов... Редактор он!!! Шишка ты в ямке, а не редактор. Русский язык сначала подучи, рыдактор. У тебя у самого – по пять ошибок на строфу...
- Считаю, договорились. И не очень-то нужны мне твои строчки... тоже мне, великое сокровище – строчки твои.
- Ах, ты...
- Андрей уже готов вцепиться в Артура, но пьяница, запыхавшийся от непривычной нагрузки, подходит к ним.
- Это их коллега, поэт Василий Васильевич Глубокий, известный так же под прозвищем Вас-Вас. Ему пятьдесят лет, но выглядит он лет на пятнадцать старше.
- Вас-Вас страдает с жуткого похмелья, но, тем не менее, хорошо «держит марку». У него опухшая физиономия хронического алкоголика, у него на голове серая шляпа в маслянистых пятнах, он очень бедно одет, но от него исходит позитивная энергия, он радостен, беззаботен, нервно подвижен. Он широко улыбается – передних зубов у него не хватает. За плечами у него старый армейский вещмешок.
- Юные мои гении, совсем помираю, выручайте! Чем можете...
- Не многовато ли гениев для одного перекрестка?! – язвит Артур.

Артур и Андрей с досадой смотрят на Вас-Васа, отворачиваются, доставая кошельки, чтобы Вас-Вас не увидел, сколько у них на самом деле денег. Роятся в кошельках и, наскребя по чуть-чуть, одновременно подают Вас-Васу в протянутую ладонь.

– Н-на!

– Санька Верку матч! – Вас-Вас на глазок определяет сумму и разочарованно вздыхает. Он поправляет рюкзак:

– Юные мои коллеги, послушайте-ка мои новые вирши, что сочинил я прошлой ночью: «Же не манж па сис жур! Пропил я тещин абажур». – Вас-Вас начинает приплясывать, хлопая в ладоши и напевая.

Артур и Андрей одновременно открывают свои кошельки и протягивают Вас-Васу еще немного денег.

– Благодарствую! – Вас-Вас ернически кланяется им в пояс несколько раз.

– Вас-Вас, иди уж, а! – говорит Артур.

– Не до тебя сейчас... – вторит ему Андрей.

– Кажется, вы хотели драться, молодые люди? Еще не передумали? Могу вам помочь, как рефери. Моя такса – бутылка пива за минуту боя. Сколько вы продержитесь, интересно?

Андрей говорит, обращаясь к Артуру, уже беззлобно:

– У меня больше нет.

Артур достает еще немного денег, протягивает Вас-Васу:

– Все, Вас-Вас, больше не дам, иди уже...

Вас-Вас, снимая шляпу, театрально раскланивается и с достоинством удаляется.

***

Вечер, центр города, пешеходный бульвар: фонари «под старину», афишные тумбы, фонтаны, летние кафе, бутики, сувенирные киоски, кинотеатр. По бульвару прогуливается праздничная публика.

Возле фонтана – пьяненький Вас-Вас, он, притоптывая и подыгрывая себе на гармошке, пытается напевать свои стихи, но получается, что он выкрикивает их, иногда подвывая, как камлающий шаман. Ни петь, ни танцевать, ни играть на гармошке Вас-Вас не умеет, но его выступление столь артистично, что пользуется успехом: вокруг Вас-Васа собралась толпа смеющихся людей.

Бабушка купала внуку
и давала взбучку
внуку. Деда на завалинке
штопал валенки.

А папаша с утраца
скушал блюдо холодца.
Вот, так вот и живем, потихоньку...
Кошки мокнут под дождем,
Санька пялит Соньку.

Зрители аплодируют, смеются. Вас-Вас снимает шляпу и обходит с нею зрителей по кругу, приговаривая: «Дайте поэту денег на водку!»

Собрав гонорары, он, воодушевленный успехом, встает на бортик фонтана, взмахивает рукой, подпрыгивает, готовясь продолжить спектакль, но, потеряв равновесие, шумно плюхается в воду. Зрители дружно ржут.

***

– Ты будешь сегодня выступать на чтениях? – спрашивает Артур примирительно.
– На каких еще чтениях? – удивленно спрашивает Андрей.
– Пантелеев в «Жирном воробье» устраивает поэтические чтения... А разве тебя он не приглашал?
– Нет, не приглашал... – Андрей совсем расстраивается, опускает голову, сутулится.
– Забыл, наверно?..
– Забыл, да... Он про меня всегда забывает! Ему не до меня... Он же большой барин у нас! Какое ему дело до какого-то Синицына?
– Он, наверное, случайно тебя забыл пригласить.
– Наверное, да... А что, разве можно специально кого-то забыть пригласить? Забывают, только тех, в ком не особо и нуждаются... кого держат за второй сорт... А тех, кого ценят и уважают – не забывают!
– Глупости! Он к тебе хорошо относится. Но знаешь, сколько у него забот? Организовать все, скоординировать, договориться со всеми... Не трудно кого-то в спешке и забыть.
– Да? А кого он еще забыл позвать, кроме меня? Я хочу знать, в хорошей ли я компании!
– Ну, ладно, подумаешь, он забыл, так я тебя приглашаю! Я! – Артур покровительственно похлопывает Андрея по плечу. Но Андрей грубо отпихивает его руку.
– Не фигу ко мне подмазываться!.. Если бы мы случайно с тобой не встретились, тебе бы и в голову не пришло меня пригласить. Просто позвонить – это пару минут заняло бы всего... Но – фигушки! Вы же все баре такие...
Андрей разворачивается и быстро уходит. Обида душит его: «Стихи отвергли, выступать не пригласили!» – он сворачивает за угол и с силой кидает сумку о каменную стену.

***

Артур сидит за столиком в летнем кафе и пьет оранжевый напиток. Он с вождением пялится на официанток и на девушек, проходящих мимо кафе, провожая каждую долгим взглядом. Воображение переносит его в притон садо-мазохистов. Он видит себя на четвереньках, в ошейнике с цепью.

На Артуре – женские трусики, чулки и туфли на высоких каблуках. К нему подходит одна из официанток и берет за цепь. На девушке костюм «строгой госпожи», в руках она держит хлыстик, которым хлещет Артура по ягодицам, ногам и спине. Артур издает нечленораздельные звуки, виляет задницей и целует сапоги «хозяйки», которая начинает водить Артура по притону как собачонку. Притон полон девушек – именно тех, которых Артур провозжал похотливыми взглядами, сидя в летнем кафе – все девушки затянуты в латекс, у них в руках хлыстики, девушки хлещут Артура, и он всем целует сапоги, довольно мурлыча и виляя задом.

Одна из официанток летнего кафе шепчет своей коллеге:

– Этот уродец сюда почти каждый день ходит! И пялится, и пялится... Противный какой!
– Да, мерзкий тип! На маньяка похож... И взгляд у него какой-то неприятный...
– Ф-фу!!!!

Девушки презрительно хихикают, но Артур понимает это, как выражение симпатии к нему и поднимает свой стакан в знак приветствия.

***

Андрей с силой кидает сумку о каменную стену. Затем подбегает к ней, роется и достает мобильный телефон. Проверяет его целостность. Набирает номер.

Заброшенный пустырь, руины промышленных строений. Кирпичный гараж, внутри которого оборудован спортивный зал. Обшарпанные стены гаража украшают портреты Мао Дзедуна, Че Гевары, Бакунина, Жана-Поля Сартра, Маяковского, Муссолини и Пабло Пикассо.

В углу стоит небольшая виселица буквой «Г», на виселице – плюшевый Микки-Маус, подвешенный за шею.

Несколько молодых людей с обнаженными мускулистыми торсами поднимают тяжести или бьются в боксерских перчатках. Среди парней выделяется одна девушка в красной бандане, девушка особо агрессивна и резка. Иван Железякин лупит по боксерской груше. Раздается телефонный звонок. Иван, снимая перчатки, подходит к своей сумке, вытирает пот полотенцем и жмет на кнопку телефона.

– Смольный на проводе!

– Иван, надо бы пообщаться, давно не виделись. – Андрей отвечает на шутку серьезно.

– Приезжай в штаб, я тренируюсь.

Иван Железякин демонстрирует своим товарищам приемы рукопашного боя. В гараж входит Андрей и начинает задумчиво раскачивать «казненного» Микки-Мауса. Виселица с грохотом падает.

Ребята сурово смотрят на Андрея. Иван Железякин, сказав: «Это свой человек!» – берет боксерские «лапы» и подходит к Андрею.

– Держи лапы! Становись в стойку...

Иван остервенело бьет по «лапам», которые держит задыхающийся и обильно потеющий Андрей. Загоняв Андрея до полного изнеможения, Иван удовлетворенно улыбается, шутливо и легонько стучает партнера перчаткой по макушке:

– Пошли на воздух, подышим!..

Иван и Андрей сидят посреди пустыря на поваленном деревянном столбе. Они поочередно отхлебывают из двухлитровой бутылки с пивом.

– Забей! Забей ты на них... Они лижут задницы всяким мерзавцам, чинушам, торгашам. Они – культурные проститутки, влезают в любые дырки без мыла... Забей!.. Их время уже подходит к концу. Скоро мы будем рулить! Всем рулить – политикой, экономикой, культурой... Наше время идет, мы все крепче и крепче... и нас все больше. Они сейчас только кажутся победителями, у них вроде есть все – власть, деньги, шлюхи. Но это все признаки гниения. Они сгниют от наркоты, перегрызут друг другу глотки от жадности и зависти, а потом придем мы, и выметем всю эту тухлую срань и плесень железной метлой. Иди к нам, Андрюша, ты же по духу наш! Сейчас вся самая талантливая и умная молодежь с нами. Ну... или симпатизирует нам... Потому что ее, талантливую и умную молодежь, эти жирные пидоры оттерли от всех кормушек, тормозят, не дают развернуться. Умные, талантливые, сильные – почти на самом дне общества, а на его верху – жабы, декаденты, вырожденцы. Или бездарные жополизы, хитрые пронеры, типа этого Пу... как его там? Пу...

– Пучкова...

– Да...

– Вот, ты Андрюша, кто сейчас? Яркий литератор, который вынужден зарабатывать себе на жизнь, занимаясь всякой нудной хренью. За копейки ты горбатишься на мировой капитал. И таких, как ты, – сотни тысяч. Это же целая армия! Иди к нам, Андрюша, мы придем к власти – и ты станешь у нас министром культуры. Отправим всех смердящих декадентов туалеты вылизывать, а возвращать будем настоящую культуру – живую, здоровую, сильную!..

– Я, видишь ли, не администратор по натуре... увы...

– Ладно, не хочешь быть министром культуры, будешь свободным творцом. Нам такие ох как нужны! Новому обществу – новая литература, новое искусство. Всю эту жирную пидорсю отправим...

– Туалеты вылизывать?

– Правильно! Посмотри, что сейчас творится – в кино, на ТВ, в литературе. Всем заправляют жабы и тупые боровы. Ничего живого, ничего яркого, ничего смелого. Одна тухлятина, мертвечина! Иди к нам прямо сейчас – сочини лозунги, пиши статьи, участвуй в агитации...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.